

В. И. ЛЕНИН И ДИАЛЕКТИКА ГЕГЕЛЯ

А. Х. Касымжанов

Изучая диалектику, В. И. Ленин систематически, на протяжении всей своей деятельности обращался к Гегелю, справедливо видя в нем наиболее крупного, классического представителя диалектической традиции в домарксовской философии. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин изучал Гегеля в ссылке (1898—1901), в Женеве (1908), в Берне (1914—1915), и, наконец, об обстоятельствах поездки в Москву 15 октября 1923 г., когда Ленин, разбирая свои материалы, отобрал три тома сочинений Гегеля. Даже в самые трудные годы, пишет В. В. Адоратский, В. И. Ленин обращался к диалектическому наследию великого немецкого философа. Так, в июне 1921 г. он интересовался «Наукой Логики» и «Феноменологией духа», а также книгой И. А. Ильина «Философия Гегеля, как учение о конкретности бога и человека» (т. 1—2. СПб., 1918). Этот интерес к Гегелю с несомненностью свидетельствует о постоянно проводимой Лениным творческой разработке теории материалистической диалектики. Чтение Лениным трудов Гегеля было целеустремленным и материалистическим, опиравшимся на его богатейшую эрудицию и громадный жизненный опыт.

С самого начала своей теоретической деятельности Ленин придавал огромное принципиальное значение философской основе марксизма, его методу, логике и теории познания, в частности указывая на генетическую связь и принципиальную противоположность марксистского и гегелевского диалектического метода¹. Это обстоятельство явилось одним из кардинальных теоретических пунктов, который резко отграничивал Ленина от теоретиков II Интернационала. Среди последних было «хорошим тоном» говорить о слабости «старика» (т. е. Маркса) в вопросах философии. Пытаясь создать впечатление, что они принимают материалистическое понимание истории и экономическую теорию Маркса, эти теоретики, всуе твердившие о марксизме, единодушно отвергали его диалектику, т. е. самый дух, стиль, способ мышления, револю-

¹ Обвинение марксизма в следовании гегелевской диалектике Ленин квалифицирует как шаблонное, типичное для буржуазных «критиков» Маркса [3, 1, 163].

ционно-критическую ориентацию Маркса. Может быть, с наибольшей откровенностью внутри социал-демократического движения высказался в этом смысле Э. Бернштейн, квалифицируя диалектику как «предательский элемент» в марксизме [5, 38]. Бернштейн писал, что материалистическое понимание истории есть экономическое, «а не материалистическое в философском смысле этого слова» [6, 14]. Материалистическое понимание истории, связанное с признанием решающей роли «экономической струны», обнаруживало, по мнению ревизионистов, свою недостаточность при объяснении внешних идеальных побуждений, их роли в истории. Но суть дела состоит в том, что материалистическое понимание истории, как это специально обосновано Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм», органически связано с определенной гносеологией, решающей вопрос об отношении мышления и бытия в диалектическом духе, и является неполным, ограниченным без этой гносеологии. А с другой стороны, гносеология сама должна строиться историко-материалистически, ибо познание и все так называемые высшие идеальные побуждения следует понимать как имеющие общественно-исторический характер.

Подлинно материалистический подход к истории, отказ от морализирования, стремление выявить действительные закономерности исторического процесса, его объективный ход толковались и трактуется вульгаризаторами марксизма как фатализм, натурализм, превращение исторической науки в разновидность естественнонаучного знания. Но марксизм, выявляя материальное основание общественной жизни, настаивает на конкретности ее как определенной системы, являющейся результатом исторически развивающейся деятельности общественного человека. Раскрытие объективных закономерностей в ходе истории вовсе не означает отрицания роли активной человеческой деятельности, фатальной «железной необходимости», понимания экономических законов в качестве действующих якобы помимо людей, автоматически.

Цели и смысл той «критики», которой подвергалось учение Маркса, ясно обнаруживаются при анализе практически-политической позиции «критиков». Выводам Маркса об исторической тенденции капиталистического способа производства, концентрации капитала, разложении мелкотоварного производства и т. д. противопоставлялись «эмпирический материал» из практики акционерных компаний, ссылки на те особенности, которые капитализм начал приобретать в начале XX в., как якобы доказательство «незрелости» марксистского подхода к общественным явлениям. Ревизионисты в силу эклектичности и неспособности справиться с новейшей стадией в развитии капитализма неизбежно скатывались к отказу от революционных принципов марксизма.

К. Каутский, бывший в известный период своей деятельности марксистом, выступал против кантианства Э. Бернштейна, но не смог понять гносеологической основы материалистического понимания истории — диалектики. Теория марксизма, по его мне-

нию, претендует лишь на анализ тех изменений, которые происходят в сфере духовных влияний, показывая их соответствие, параллелизм изменениям, происходящим в экономических отношениях [7, 11, 53]. Но форма и способ воспроизводства общественно-исторической действительности в том или ином явлении «духа» принципиально остаются-де вне компетенции марксистской методологии. Для Ленина же решающим является не само по себе признание того, что известное духовное явление отражает действительность, а диалектика процесса этого отражения — его конкретное своеобразие. Игнорирование этой стороны дела ведет к тому, что общественная жизнь понимается мертво, статично. Это отчетливо проявляется в методе объяснения исторических явлений, которым пользовался Каутский и который состоит в сведении всех сторон общественной жизни к экономическим условиям, в то время как на самом деле метод Маркса раскрывает диалектику взаимосвязи и развития общественного целого, выведение всех его сторон из исторически меняющегося материального основания, во всем их конкретном своеобразии и противоречивости.

Представители «легального» марксизма (П. Струве, М. Туган-Барановский), на первых порах ограничившиеся утверждением об отсутствии в марксизме философского обоснования, по мере роста рабочего движения целиком перешли на позиции идеализма. Постепенность, отсутствие диалектических скачков и борьбы противоположностей рассматривались ими как незыблемый теоретико-познавательный постулат, нарушаемый марксизмом.

Практический крах II Интернационала, его измена интересам пролетариата пролили яркий свет и на стиль мышления его лидеров, оказавшихся ренегатами. Подмена ими диалектики эклектикой и софистикой сыграла в этом отношении решающую роль.

Сравнение является вполне законным и целесообразным приемом мышления, но при соблюдении условия, что учитывается все конкретное своеобразие сравниваемых явлений. В противном случае оно превращается в пустую аналогию. Именно этот метод внешней аналогии использовали оппортунисты в оценке сущности первой мировой империалистической войны. Опираясь на факты войн эпохи поднимающейся буржуазии, они переносили соответствующие оценки Маркса и Энгельса на принципиально несходные ситуации эпохи умирающей реакционной буржуазии. Это был по сути дела метод «цитатника», произвольного подбора теоретических положений и высказываний к внешне подпадающим под их действие обстоятельствам. Такое механическое перенесение грешит по крайней мере двумя просчетами. Во-первых, оно связано с игнорированием конкретности сопоставляемых явлений, их специфической определенности. Во-вторых, при таком подходе дело сводится к фиксации абстрактно повторяющихся, поверхностных признаков. Оппортунисты делали выводы из общих истин, минуя конкретный анализ конкретных ситуаций, что означало издевательство над духом и сутью диалектического материализма.

Выступая против жалких софизмов лидеров II Интернационала, оправдывавших свою предательскую линию поведения рассуждениями о «зачинщике» войны, «защите отечества» и т. д., Ленин указывал на справедливость гегелевской мысли об извлечении народами уроков из истории, о том, что «Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней» [3, 29, 281—282].

В понимании войны и ее характера оппортунисты сползали на точку зрения мещанскую, обывательскую, полагая, что начало войны означает всякое прекращение политических отношений. Марксизм в этом вопросе как и во всех других, не отбросил ценных приобретений буржуазной мысли. Одним из них в области военной теории было учение К. Клаузевица. В своих работах «Крах II Интернационала», «Война и революция» и др. Ленин писал, что этот мыслитель еще 80 лет назад остроумно высмеял невежественные представления, будто войну можно отделить от политики. Война есть продолжение политики определенных классов иными (а именно: насильственными) средствами. Ленин ценил Клаузевица за историзм и диалектическую постановку вопроса, т. е. за то же самое, за что он ценил и Гегеля вопреки его идеализму и ограниченному буржуазному горизонту видения.

Ленин как великий стратег революции видел глубокую связь между политической и военной стратегией и тактикой (об этом особо он останавливается в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», давая образец диалектики политического мышления). Ленинская стратегия и тактика — как общеполитическая, так и военная — яркий образец блестящего применения диалектики, умения в сложном переплетении событий найти наиболее верное, оптимальное решение, которое, по меткому замечанию М. Горького, определялось тем, что мысль Ленина, как стрелка компаса, всегда направлялась острием в сторону классовых интересов пролетариата.

Материалистическая переработка диалектики была неотделима для Ленина от творческого усвоения «Капитала» Маркса, его внутренней логики, поскольку «Маркс применил диалектику Гегеля в ее рациональной форме к политической экономии». Но глубокое овладение «Капиталом» в свою очередь предполагает знание гегелевской логики. Игнорирование методологических предпосылок и принципов, лежащих в основе «Капитала», диалектики, связанной преемственно с «Логикой» Гегеля, лишало возможности понять действительно критическое и революционное содержание этого основного произведения марксизма. Ленин писал, что «нельзя вполне понять „Капитала“ Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» [3, 29, 162]. Ситуация, выраженная в этом афоризме, нашла свое истори-

ческое продолжение. Подводя в 1918 г. теоретические итоги борьбы с обанкротившимися оппортунистами II Интернационала, Ленин делает вывод, как бы продолжающий записанный «для себя» афоризм в «Философских тетрадах». «Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики» [3, 45, 378]. То же показано в его статье «О нашей революции» и в других его работах, являющихся непревзойденными образцами творческого применения марксистской диалектики к анализу общественного развития.

Мысли, рождавшиеся при чтении В. И. Лениным трудов Гегеля, вплетались в философские мотивы деятельности гениального вождя и стратега социалистической революции.

Наши идейные противники совершенно недопустимо противопоставляют друг другу различные периоды философского развития Ленина, утверждая, будто в «Материализме и эмпириокритицизме» выражена пассивно-созерцательная концепция отражения, а в «Философских тетрадах» впервые дано Лениным диалектическое толкование познания, рвущее, мол, с концепцией отражения под влиянием серьезного изучения Гегеля. В действительности же никакого противоречия между диалектикой и теорией отражения нет и быть не может, ибо теория отражения всегда толковалась Лениным в развитии, диалектически, а материалистическая диалектика развивалась им через ее применение к процессам познания, отражения. Уже в первых своих работах он дал образцы такого диалектико-материалистического понимания отражения. Плеханов, критикуя народничество, ограничивался сопоставлением точки зрения народников с марксистской концепцией, показом несостоятельности первой и истинности последней. Ленин продолжил анализ дальше, показав, как именно особенности теоретических воззрений народников обуславливаются конкретными обстоятельствами времени и места, позицией того класса, интересы которого они выражают. «Было бы отступлением от материалистического метода, — писал он, — если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях» [3, 1, 238]. Последовательность материализма связана с диалектическим пониманием активности отражения как элемента общественной жизни. Из обращения к живой, подвижной и противоречивой реальности в ходе критики народнических концепций Ленин формулирует выводы практического характера о союзе рабочего класса и крестьянства (Плеханов этого не смог сделать).

«Разобранные мелкобуржуазные теории, — заключает он в конце своего анализа, — являются **БЕЗУСЛОВНО** реакционными, **ПОСКОЛЬКУ** они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е. все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно не способны послужить для его освобождения, что на самом деле эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии, — тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?*» (3, 1, 298).

В качестве другого примера можно привести анализ Лениным творчества Л. Н. Толстого. Он называет его зеркалом первой русской революции. Помещик по происхождению, теоретик «толстовства», в корне противоположного идее революционного изменения людей и обстоятельств, и в то же время. . . «зеркало русской революции!» Если это зеркало, то, надо полагать, особое, способное активно воспринимать и передавать объективную действительность, проникая в ее скрытую сущность. В этой связи мы хотели бы сформулировать свою позицию по отношению к положению Ленина о том, что сознание не только отражает мир, но и творит его. Оно вызвало много толков. Б. М. Кедров выдвинул мнение, что это положение представляет собой перевод на общепонятный язык мысли Гегеля об активной роли сознания, понимаемой в идеалистическом духе как творение идеей мира. В целом разделяя эту трактовку, мне хотелось бы воспользоваться образным выражением Ленина о том, что по крайней мере двухцветную действительность нельзя превращать в одноцветную. Дело в том, что это положение отражает процесс формирования собственной мысли Ленина. Термин «отражение» не был свойствен Гегелю, он обычно чурался его. С другой стороны, «творение» мира может пониматься не только в плане зависимости бытия от сознания, не только в плане примата сознания по отношению к миру. С различными степенями свободы мир можно изменять в сознании, вовсе ничего не изменяя реально, практически. В этом ведь и состоит конструктивная функция воображения, функция опережения, без которой сознание превратилось бы не только в пассивный, но и ненужный придаток к природе человека. Если ввести так истолковываемую творческую роль сознания в контекст несомненного признания Лениным активного значения революционной теории («без революционной теории не может быть и революционного движения»), то «двухцветный» вариант представляется более адекватным реальной ситуации. Достаточно сопоставить указанную запись с другим местом из «Философских тетрадей», дабы удостовериться в справедливости нашей трактовки. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепок (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком *превращения*) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instans=бога). Ибо и в самом простом обоб-

щении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек фантазии (Vice versa: нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой)» [3, 29, 330].

Показ несостоятельности той или иной концепции сам по себе не исчерпывает существа дела. Надо раскрыть ее действительное содержание и место; а этого нельзя достичь без рассмотрения данной теории в развитии, в живой связи с другими идейными течениями, без установления ее роли в идейной борьбе, которая в конечном итоге коренится в борьбе классов.

Для того, чтобы избежать вульгаризации, анализ классовых корней общественной теории должен быть органически дополнен выяснением гносеологических корней. И в этом пункте ценнейшие моменты гегелевского подхода к истории философии, связанные с пониманием (хотя и преувеличенным) спонтанности в идейном развитии, внутренних имманентных критериев, были Лениным глубоко усвоены и творчески развиты в его указаниях о диалектико-материалистической критике идеализма. В частности, Ленин внимательно изучает приемы гегелевской критики кантианства. Важнейшие выводы отсюда сформулированы им в афористической форме и имеют прямое отношение к общей ленинской трактовке диалектики процесса отражения. «Плеханов, — пишет Ленин, — критикует кантианство (и агностицизм вообще), более с вульгарноматериалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь *a limine отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь и переходы* всех и всяких понятий» [3, 29, 161].

Разумеется, не только приемы критики Гегелем Канта привлекали Ленина. Он ставит вопрос шире — о возможности применения материалистически понятой диалектики Гегеля к анализу и критике современных течений буржуазной философии — неокантианства, махизма и т. п. Подчеркивая эклектический и эпигонский характер махизма, Ленин (вслед за Энгельсом) усматривал определенную пользу, проистекающую из увлечения Гегелем и состоящую в возможности избавления от метафизических и идеалистических промахов. Гегель привлекал в данном случае внимание Ленина как мастер диалектики, как естественный союзник против кантианства, махизма и других идеалистических концепций, которые теоретически (не хронологически) являлись низшей, преодоленной Гегелем ступенью. В. И. Ленин так и говорит: «К Гегелю надо бы вернуться для разбора шаг за шагом какой-либо ходячей логики и теории познания кантианца и т. п.» [3, 29, 160], поскольку решающее против Канта было сказано, насколько это можно сделать с идеалистической точки зрения, Гегелем.

Как в ожесточенной классовой борьбе Ленин умел сочетать принципиальную твердость с максимальной гибкостью, способ-

ностью использовать любого союзника — пусть временного, непрочного, так и в идеологической, философской борьбе он бескомпромиссно материалистическую линию сочетал с той реальной пользой, которую извлекает и должен извлекать материализм из критики одним идеалистом другого идеалиста. «Когда один идеалист критикует основы идеализма другого идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм. Ср. Аристотель versus Платон etc. Гегель versus Кант etc.» [1, 29, 255]. Отсюда можно извлечь не только общий конструктивный тактический вывод применительно к задачам критики современной буржуазной философии, но и более определенный вывод в пользу Гегеля как крупного идеалиста, чьи глубокие и материалистически осмысленные диалектические идеи должны быть в полной мере взяты нами на вооружение в современной идеологической борьбе.

Наметки этого вывода содержатся в книге «Материализм и эмпириокритицизм», поскольку в ней дана Лениным общая характеристика философии Гегеля и использовано его понимание связи диалектики и релятивизма. «Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему. . .» [3, 18, 139].

Конкретная цель, которую ставил перед собой Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», состояла в защите основ теории познания диалектического материализма. Отстаивая эти основы, он углубил и расширил их, извлек философские выводы из новейшей революции в естествознании. Так, сформулированное Лениным понятие материи являлось по сути дела дальнейшей конкретизацией материалистического решения основного вопроса философии. Дав определение этого понятия, раскрыв его смысл, Ленин внес вклад в философию, который является логическим итогом, выводом всей традиции материализма, всей истории борьбы линий Демокрита и Платона.

То же следует сказать о принципе отражения. Нельзя отрицать того, что в той или иной форме понимание познания как оттиска, копии, образа и т. д. свойственно любой теории познания, развиваемой с материалистических позиций. И Ленин эту тенденцию, основное направление многовековых материалистических исканий подытожил и тем самым укрепил и обогатил теоретически материалистическую гносеологию. Это оказалось возможным, потому что он одновременно раскрывает диалектический характер познания истины, историчность практики и т. д., намечая проекции дальнейшего развития. Обосновывая эти и другие идеи в книге «Материализм и эмпириокритицизм», он в «Философских тетрадах» пошел еще дальше, всемерно подчеркивая и доказывая, что материализм неполон, непоследователен без диалектики, что внутреннюю тенденцию развития философии составляет «тяготение» материализма к диалектике.

Речь идет о постановке Лениным проблемы диалектики как философской науки, о диалектике как логике и теории познания. В осуществлении этих задач нельзя было обойтись без Гегеля. Минуя Гегеля, помимо него, «иными путями», как говорит В. И. Ленин, теория развития к XX в. вошла в общее сознание. Смешение с этими иными формами теории развития (главным образом плоско-эволюционистскими) той концепции развития, которую проводил марксизм, было бы опощением диалектики, искажением истины, ни в коей мере недопустимым с точки зрения последовательно-партийной позиции, являвшейся для В. И. Ленина краеугольным камнем всей идейно-теоретической и практической ориентации. Надо было, следовательно, отмежеваться от этих «иных путей», подчеркнув значимость пути «через Гегеля», через горнило его диалектики, ее материалистическую переработку. Это, конечно, отнюдь не исключает необходимости постоянного выявления диалектики бытия и познания на основе успехов естественных и других наук. Напротив, «современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых сбиваются в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной мысли».

Выдающимся вкладом В. И. Ленина в теорию диалектического материализма выступает принцип совпадения диалектики, логики и теории познания, который является теоретическим развитием, конкретизацией понимания диалектики Марксом и Энгельсом. Эта идея формулируется, в частности, на основе углубления марксовой критики Гегеля, его диалектики. Хочется обратить внимание на следующий факт, проливающий, по нашему мнению, свет на проблему «Ленин и Гегель» именно в связи с диалектикой. Известна высокая оценка Марксом «Феноменологии духа» Гегеля — истинного истока и тайны его философии. Диалектика деятельности, блестяще развитая на идеалистической основе в этом труде, была важнейшим приобретением философии Гегеля и одним из теоретических источников марксистской концепции человека, развитой далее В. И. Лениным. Однако Ленин упрекает Плеханова за то, что он не обратил в своем изложении должного внимания на «Науку логики». Именно это произведение Гегеля, его критический анализ послужили отправным пунктом ленинской трактовки диалектики как собственно философской науки, как логики и теории познания. «Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц. . . Из них о большой Логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика как философская наука) nil!!» [3, 29, 248]. Подчеркивая принципиальную важность вопроса о совпадении теории познания с логикой, Ленин пишет: «Не психология, не феноменология духа, а логика = вопрос об истине» [3, 29, 156].

Можно считать случайностью, что история, сохранив ленин-

ский конспект «Науки логики» Гегеля, не оставила следов его работы над «Феноменологией духа». Но не случайно другое, а именно то, что конспект «Науки логики» занимает центральное место в «Философских тетрадах», поскольку проблематика этого произведения соответствует основной направленности интересов Ленина в области философии, что мы и старались показать².

Ленину не были известны некоторые ранние и другие неопубликованные рукописи Маркса, в которых полно, во всех гранях и деталях представлена его критика Гегеля. И несмотря на это мысли Маркса и Ленина, касающиеся данной проблемы, развиваются несмотря на различие исторической ситуации, мотивов, условий идейной борьбы, удивительно схожими путями.

В произведениях «К критике гегелевской философии права» и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», которых Ленин не знал, Маркс, «сводя счеты со своей прежней теоретической совестью», выяснял недостатки идеалистической философии Гегеля. Так, раскрывая суть мистификации, в результате которой действительное развитие (например, государства) лишь является повторением истории логического понятия, Маркс замечает: «Действительность рассматривается не как эта самая действительность, а как некая другая действительность. Выходит, что для обыкновенной эмпирии является законом не ее собственный дух, а чужой; с другой стороны, наличным бытием для действительной идеи является не такая действительность, которая развилась бы из нее самой, а обыкновенная эмпирия» [1, 1, 224]. И далее: «Всегда одни и те же категории доставляют душу то для одних, то для других сфер. Все дело сводится к тому, чтобы подыскать для отдельных конкретных определений соответствующие им абстрактные определения» [1, 1, 227].

В этом же произведении, а еще резче в «Экономическо-философских рукописях» Маркс критиковал Гегеля за превращение идеи в самостоятельный субъект, за замену человека его самосознанием, за сведение труда к абстрактно-духовной деятельности. Эти моменты образуют ту ложь самого принципа, которая обусловила консервативные выводы и приспособление к наличной эмпирии. Ленин пронизательно улавливает и выделяет аналогичные мысли Маркса, высказанные в весьма сжатой форме в связи с критикой младогегельянцев. В своем конспекте работы Маркса и Энгельса «Святое семейство» он обращает внимание на анализ причин того,

² Разумеется, этот факт, в котором проявляется специфичность ленинского отношения к гегелевской диалектике, нельзя абсолютизировать. Мы сейчас наблюдаем, как в связи с публикацией ранее не изданных произведений Маркса оживился, в частности, интерес к «Феноменологии духа». В том же направлении в современной идеологической борьбе некоторые буржуазные философы паразитируют на этом произведении Гегеля, а вместе с тем и преувеличивают связь с ним «раннего Маркса». Совершенно очевидно, что господство государственно-монополистического капитала необычайно обострило злободневность проблематики отчуждения, поставленной в идеалистической форме еще Гегелем, в особенности в той же «Феноменологии духа».

почему «разрушительная работа» Гегеля (диалектический, исторический взгляд на мир) имела результатом консервативную философию: превращение реальных битв в битвы чистых идей, преодоление предметного мира в «эфире чистого мышления». «Гегель ставит мир на голову и по этой причине и может преодолеть в голове все пределы, что, конечно, нисколько не мешает тому, что они продолжают существовать для *дурной чувственности*, для *действительного человека*» [3, 29, 19, 37]. Значительно позднее, изучая «Науку логики» и «Лекции по истории философии», Ленин по-своему и в ином аспекте развивает идеи Маркса о «некритическом позитивизме» Гегеля. Он указывает на пренебрежение идеалистом чувственного момента в познании³. Исходя из факта более глубокого, адекватного отражения действительности в мышлении и совпадения на этой основе теории познания и логики, Гегель приходит к отрицанию эмпирического знания как ненаучного, недостойного, субъективного. Правда, он не отрицает значения опыта как фазы, генетически предшествующей мышлению индивида, но опыт, по его мнению, играет лишь роль возбудителя самостоятельности мышления, в котором только и выступает всеобщая природа индивида, представляющая интерес для теории познания, для логики. Конкретно-реальный мир, состоящий из единичных вещей, и чувственность, созерцание как способ познания его, по Гегелю, чужды мысли и, следовательно, нереальны, эфемерны. Вещи пространственно-временного мира и прикованное к ним эмпирическое сознание лишены для Гегеля философского интереса. Реально для него лишь всеобщее, мысль, и потому он отвергает материализм как философию.

Но его доводы, говорит В. И. Ленин, бьют мимо материализма диалектического, глубоко раскрывающего диалектику общего и единичного, в полной мере признающего и подчеркивающего компетенцию и права теоретического мышления. Исключая чувственность из сферы логики и теории познания, Гегель трактовал процесс познания как самоуглубление и развитие понятия, совершающееся вне и без переработки данных созерцания. В. И. Ленин критикует Гегеля за умаление роли чувственного как «источника познания и понятия». Разбирая учения Эпикура и Аристотеля, Гегель утверждает, что безразлично, находится ли определенность ощущения вне или внутри субъекта, затушевывая вопрос об объективном источнике человеческих познаний. «„Первое начало“, — говорит В. И. Ленин, — забыто и извращено идеализмом. А *диалектический* материализм один *связал* „начало“ с продолжением и концом» [3, 29, 264]. Конечно, игнорирование чувственности не прошло даром для гегелевской системы: чув-

³ Что игнорирование чувственного момента вытекает из сути идеализма (в частности, гегелевского), заметил и Герцен. Правда, формулируя это обстоятельство в неадекватной форме, он назвал первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм».

ственность привносилась им в философию, но привносилась незаметным и некритическим образом, следовательно, неправильно. Не лучше, с точки зрения марксизма, и обратная крайность — плоский эмпиризм, презирающий всякую теорию и толкающий, как показал Энгельс, естествознание в объятия мистики.

Выше уже отмечалось, что для Гегеля диалектика мышления есть единственно реальный процесс, который раскрывается как самодвижение понятий. Эта точка зрения Гегеля обусловила то, что его диалектика, взятая в ее «чистом», первоизданном виде, оказалась бесплодной в качестве метода исследования конкретных наук, что практически свидетельствовало о невозможности развить диалектику как теорию познания научно на почве идеализма. Хотя сам Гегель часто дает характеристики, глубоко охватывающие суть действительных отношений, но в целом его метод не ориентирует исследователя на вскрытие внутренних связей реальных вещей. Вместе с тем в его методе значительную роль играют «некритический позитивизм», «философское разложение и восстановление наличной эмпирии» (К. Маркс).

Не отрицая чувственности в качестве внешнего «повода» к познанию, Гегель рассматривал необходимость обращения к чувственным данным как неизбежное зло, толчок для обнаружения спонтанной деятельности мышления, а не как подлинный источник знания. Мышление выступает у него как первичное по отношению к созерцанию, как его основа, и потому определения мысли по существу являются исходными, с точки зрения Гегеля. Тем самым гегелевский метод не дает возможности критически использовать эмпирические данные, раскрыть собственную природу вещи, скрывающуюся за эмпирическими связями.

Конкретные вопросы научного исследования Гегель предлагал разрешать исходя из всеобщего, из самого мышления. В таком случае исследование внутренних связей и природы объекта искажается, направляется по пути выяснения того, как он может быть истолкован, отправляясь от понятий разума, свободы и т. д. Каждая вещь тем самым признается не в своем собственном существе, а в ее логическом, абстрактном, спекулятивном выражении. Вместо познания действительных связей предлагаются фантастические, надуманные, насильственно навязываемые конструкции и схемы.

Неискушенного читателя может поразить легкость, с какой факты у Гегеля укладываются в схемы, законы и т. п. Объясняется это тем, что невозможность подвести те или иные факты под схему толкуется как свидетельство их ущербности, неспособности адекватно выразить идею. Тем хуже для фактов — вот логика подобной концепции.

«Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма. . .» [3, 29, 321] — таков главный итог анализа гегелевской «Науки логики» В. И. Лениным. Но совпадение диалектики, логики и теории познания осуществляется Гегелем на почве иде-

ализма. Для него логический процесс мышления есть демиург, творец действительности, и потому ритм этого процесса, его внутренняя закономерность, диалектика, естественно, совпадают с логикой. Гегель отождествляет мышление и бытие на основе примата мышления. Для Ленина мышление вторично по отношению к бытию. Поэтому он развивает диалектику материалистическим, т. е. единственно научным, образом.

Диалектика превратится в сумму примеров, перестанет быть философской наукой, если принцип развития не будет применен к процессу отражения, т. е. познания. В. И. Ленин задает вопрос: «Если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления?» Ленинский ответ гласит: «Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [3, 29, 229]. Из этого вытекает принципиальное положение: «. . . Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий» [3, 29, 230].

Маркс и Энгельс, создавая диалектический материализм, обратили главное внимание на основные законы диалектики. Проблематика категорий и особенно их системы хотя и нашли отражение в произведениях основоположников марксизма, но не были там широко развернуты. Правда, Энгельс в «Диалектике природы» уделил данному вопросу большое внимание, но Ленину эта работа осталась неизвестной. Несмотря на это ленинская мысль неуклонно двигалась в направлении реализации программного завета Энгельса: «Исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» [2, 207].

Материалистически переосмысливая гегелевское толкование категорий, Ленин выдвинул общие положения о природе категорий как моментов освоения человеком мира. «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [3, 29, 85].

Гениальным прозрением Ленин считает систематику категорий, «Науки логики», в которой схвачен общий ход человеческого познания, причем Гегель вполне сознательно проводил параллель между выведением логических определений, идей и последовательностью систем философии в истории. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *о б щ и й х о д* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *е с т е с т в о з н а н и я* и *п о л и т и ч е с к о й* *э к о н о м и и* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, *п о с т о л ь к у*, обобщение истории мысли» [3, 29, 298]. Нет никакого «гегельянства» в признании того, что в логике Гегеля несмотря на мистицизм, метафизи-

ческую измену принципу развития, разного рода натяжки, гениально угадан общий ход познания. Ленин считает необходимым конкретизировать эту общую картину на анализе действительной истории познания, в частности политической экономии, указывая на необходимость полного учета логики «Капитала» Маркса.

Поскольку логика Гегеля есть обобщение, итог, синтез истории познания вообще, то вполне естественно, что В. И. Ленин обращается к анализу и критике «Лекций по истории философии» Гегеля. В ходе этого анализа В. И. Ленин поставил проблемы связи теории и истории диалектики, ничем не заменимой первостепенной роли истории философии в построении диалектики и теории познания, развития истории философии как круга кругов, т. е. по спирали.

В статье «О значении воинствующего материализма», являющейся философским завещанием В. И. Ленина, он писал о необходимости создания Общества материалистических друзей Гегеля. Задачи, поставленные Лениным, во многом решены и решаются советской философской наукой. Но и с точки зрения научного исследования, и с точки зрения пропаганды предстоит еще многое сделать. Вспомним, во-первых, что В. И. Ленин советовал бережно относиться к наследию Гегеля, внимательно его изучать, научиться его комментировать, разъяснять. Во-вторых, он требовал умения подойти к гегелевской философии критически, с партийной, материалистической позиции, опираясь на образцы материалистического применения диалектики в «Капитале» Маркса, образцы «материалистического чтения» Гегеля. Марксист не может и не должен быть гегельянцем. Но знаток Гегеля философ-марксист должен быть. В-третьих, теоретическое изучение Гегеля должно сочетаться, по мысли В. И. Ленина, с глубоким знанием самой жизни, истории современного общественного развития, современной науки.

Философское наследие Гегеля может быть орудием социального и научного прогресса лишь в том случае, если оно изучается под марксистско-ленинским углом зрения, с учетом завоеваний ленинской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. М., 1955.
2. Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1965.
3. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1—55.
4. В. В. Адоратский. Избранные произведения. М., 1961.
5. Э. Бернштейн. Социальные проблемы. СПб., 1906.
6. Э. Бернштейн. Теория и тактика современной социал-демократии. СПб., 1906.
7. К. Каутский. О материалистическом понимании истории. Иваново-Вознесенск, 1923.